

Пашков Андрей Викторович

СУБЪЕКТЫ ПРАВОВОГО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья содержит анализ макроэкономики как правового явления. Как правовой феномен, макроэкономика рассматривается, с одной стороны, как элемент правовой доктрины (формализация отдельных макроэкономических показателей), а с другой стороны, как часть правовой культуры. Цель правового моделирования в макроэкономике автор видит в обеспечении условий для воспроизводства рыночных социальных отношений, в том числе в реализации теории прав и свобод человека и правового государства. Гражданское общество рассматривается как субъект права, уравнивающий государство в его влиянии на экономику путем установления пределов такого вмешательства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. II. С. 131-136. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

12. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика исторического процесса: курс лекций. М.: Наследие, 1996.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ., общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
14. Розанов В. В. Уединенное. М.: ИПЛ, 1990. 543 с.
15. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 92-100.
16. Хакен Г. Синергетика / пер. с англ. М.: Мир, 1980. 404 с.
17. Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул / пер. с англ. М.: Мир, 1973. 224 с.
18. Jantsch E. The Self-Organizing Universe // Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution. New York: Pergamon Press, 1980.

SYNERGETICS AS SEX AND GENDER RESEARCH METHOD

Ol'ga Anatol'evna Otradnova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Astrakhan' State University
olgaotradnova@mail.ru

The author considers the features of synergetics methodological potential connected primarily with the research of open systems and order and chaos correlation in them, analyzes the specifics of synergetic approach to understanding a man as a hierarchal non-equilibrium system, sex and gender role in this system, and discusses the problem of sex and gender transformation in modern society, their opportunities and risks.

Key words and phrases: sex and gender; man; open system; synergetics; order and chaos; modern society.

УДК 34.346

Статья содержит анализ макроэкономики как правового явления. Как правовой феномен, макроэкономика рассматривается, с одной стороны, как элемент правовой доктрины (формализация отдельных макроэкономических показателей), а с другой стороны, как часть правовой культуры. Цель правового моделирования в макроэкономике автор видит в обеспечении условий для воспроизводства рыночных социальных отношений, в том числе в реализации теории прав и свобод человека и правового государства. Гражданское общество рассматривается как субъект права, уравнивающий государство в его влиянии на экономику путем установления пределов такого вмешательства.

Ключевые слова и фразы: макроэкономика; рынок; экономические права; теория прав и свобод человека; государственное вмешательство в экономику; пределы вмешательства государства в экономику; гражданское общество как субъект права.

Андрей Викторович Пашков, к.ю.н., доцент
Кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права
Самарский государственный университет
attorney83@ya.ru

СУБЪЕКТЫ ПРАВОВОГО МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ®

Рассматривая в одной из предыдущих своих статей [10] макроэкономику как правовое явление, автор высказал предположение о том, что макроэкономика с точки зрения права – это все то, что создает условия для воспроизводства рынка как единой и целостной социально-экономической системы, и в первую очередь механизмы, гарантирующие реализацию идей позитивного и этатистского либерализма. То есть макроэкономическими механизмами являются только такие, которые обеспечивают существование фундаментальных институтов рынка. Среди них наиболее важными становятся правовые механизмы, определяющие правовое положение отдельного индивидуума во взаимоотношениях с государством. Система же регулируемых и нерегулируемых макроэкономических показателей и величин (валовый внутренний продукт, инфляция, безработица, бюджетный дефицит, экономический рост, инвестиции, государственный долг и т.д.) носит случайный характер и сохраняет свое значение исключительно с точки зрения фиксации статистики макроэкономического, являясь в итоге показателем успеха или неуспеха некой экономической политики.

Однако если обратиться к работам тех, в чью сферу интересов должны входить указанные вопросы, то мы обнаружим, что авторы часто даже не пытаются упомянуть о существовании какой-либо технологии взаимодействия упомянутых ими лиц. Достаточно часто все сводится к простой схеме, которую можно изложить

следующим образом: имеют место «носители хозяйственных интересов» – это социальные группы, отличающиеся имущественными, отраслевыми, региональными и т.п. интересами; «выразители» этих интересов – союзы предпринимателей, профсоюзы, политические партии и т.п.; «исполнители», которые являются субъектами государственного регулирования экономики и представлены органами трех ветвей власти, построенными по иерархическому принципу.

Что следует из приведенной работы в контексте поставленного в заглавие статьи вопроса об участниках макроэкономического процесса? Есть некий заказчик («носитель» – социальная группа), который через определенного рода посредников («выразителей» – общественные организации, например) предполагает донести свои предложения всемогущим «исполнителям» – государству в лице трех ветвей власти. Конечно, можно предположить, что в данном случае имеет место или маргиналистская, или классическая традиция абстрагирования от экономической и социальной реальности. В действительности, с точки зрения экономиста, это технология, которая мало влияет на главное для экономики – рост ВВП, падение инфляции и т.п., достигаемые с использованием средств «кредитно-денежной и налоговой политики» [11, с. 6-25].

В связи с этим абсолютно спокойно все в итоге сводится к всесильному, всезнающему, справедливому, разумному, добросовестному и т.п. государству и к его исключительному праву регулировать!

Не рассматривая в рамках настоящей статьи вопрос о сущности участия государства в экономических процессах, автор сознательно оставляет открытым и вопрос о формах участия государства в экономике (регулирование/нерегулирование), заменяя его более широким термином «правовое моделирование макроэкономических процессов».

Последнее можно рассматривать как связанную с экономико-социальным воспроизводством рыночных отношений и осуществляемую в правовой форме деятельность государственного аппарата, выполняющего в рамках оговоренных законом (договором), функциональные обязанности по обеспечению интересов гражданского общества, а также деятельность самого гражданского общества в указанной сфере. В таком контексте вопрос о субъектах-участниках моделирования, их «технологии» взаимодействия становится определяющим все иные условия существования экономической системы, в том числе набор и оценку макроэкономических показателей, средства и методы достижения этих показателей.

Субъектами-участниками моделирования становятся гражданин, предприниматель и государство. Объединенные едиными рационально-духовными принципами граждане приобретают свойства гражданского общества. Однако справедливости ради следует отметить следующее.

Во-первых, рассмотренные отдельно друг от друга и гражданин, и предприниматель, и государство (разве что с некоторыми терминологическими уточнениями – к примеру, предприниматель, действующий с использованием модели коммерческого юридического лица, или государство как публичное образование – РФ) уже являются субъектами возникающих правоотношений, содержанием которых являются права и обязанности в сфере экономической.

Во-вторых, даже в вышеприведенном примере в той или иной мере указанные участники под наименованиями «носителей», «выразителей» и «исполнителей» упомянуты как участники макроэкономического процесса.

Тогда вполне закономерен вопрос о том, что позволяет автору статьи сомневаться в качестве вышеприведенной «простой» схемы, если им названы практически те же заинтересованные в результатах макроэкономических процессов лица? Ответ на поставленный вопрос связан с выяснением качеств возникающих взаимосвязей.

Правовым в макроэкономике (как и в иных сферах) является не только само воздействие государства, так как государство (даже идеальное) является лишь механизмом трансформации неких тенденций в реальность, в данном случае правовую. Эти тенденции еще до такого моделирования становятся правовыми в сознании заинтересованного лица. С этой точки зрения правовое – это и правовая теория, не материализованная в правовой норме, но продекларированная как альтернатива существующей правовой доктрине, и правовая культура, и правовая традиция, и правосознание – как индивидуальное, так и общественное. Их взаимосвязи даже в теории недостаточно понятны и изучены. В практике же правосозидания и правоприменения их уловить можно (и не всегда оперативно), к сожалению, только в виде имеющегося результата. Трудно проследить их взаимовлияние, особенно во взаимосвязях: правовая теория – правовая традиция и индивидуальное правосознание – общественное правосознание. Однако, что является неоспоримым, по крайней мере с точки зрения автора статьи, – это возможности каждого из названных элементов оказывать прямое правовое влияние на макроэкономику.

С учетом сказанного всесильное, всезнающее, справедливое, разумное, добросовестное государство – это в лучшем случае одна из утопий, за которой скрывается еще недавно не облеченный властью, нерациональный и, видимо, недобросовестный гражданин, получивший властные полномочия в связи с занятием должности в государственном аппарате. В связи с этим вполне естественен вопрос: почему саморегулирующийся рынок «менее» эффективен «эффективных менеджеров»?

Рациональные ответы на этот вопрос можно услышать исключительно в контексте обсуждения механизмов, обеспечивающих поведение любого человека, – от системы воспитания и образования до системы привлечения к ответственности, обеспеченной контролем государства и гражданского общества. Именно с этих позиций вмешательство государства в экономику (и в первую очередь экономику на макроуровне) как принцип построения этих отношений должно рассматриваться в качестве исключения. Следовательно, макроэкономическим является правовая процедура определения границ вмешательства государства в рыночные отношения. Это уже не конструкция, где «исполнитель» интересов может прислушаться, а может и не

прислушаться к «носителю», голосом которого являются «выразители». Это правовая конструкция, где имеет место функционально ограниченная, непосредственно контролируемая гражданским обществом и предполагающая возможность привлечения к ответственности система принятия управленческих решений, институционально представленная аппаратом правительств различного уровня.

Из этого следует, что субъектом макроэкономического моделирования должно являться не только государство, но в первую очередь гражданское общество в целом. Однако любой исследователь гражданского общества в любой из сфер открытия этого явления – экономической, политологической, социальной, юридической, в сфере философии – констатирует, что этот феномен уже принимает участие в той или иной мере в моделировании взаимоотношений, в том числе в сфере экономики. С точки зрения автора статьи, если исследование в конечном итоге предполагает поиск реальных механизмов макроэкономического моделирования, то такая цель неизбежно порождает необходимость перейти от констатации того факта, что гражданское общество оказывает некое влияние на социально-политические отношения, к вопросам о конкретных механизмах этого влияния.

Основным недостатком исследований такого рода механизмов в сфере юриспруденции, несмотря на наличие большого числа работ, содержащих анализ гражданского общества, является отсутствие как ответа, так и собственно вопроса – является ли гражданское общество субъектом права в общем и субъектом макроэкономического моделирования (регулирования), субъектом гражданско-правового регулирования в частности. К примеру, в общетеоретических работах гражданское общество рассматривается как «реально существующий социальный феномен, который имеет комплексную социально-политическую природу» [3, с. 9], «политико-правовое и социально-экономическое состояние (качество) целостной системы жизнедеятельности людей...» [8, с. 18], «совокупность частных и межличностных отношений социального, политического, идеологического, культурного, религиозного, семейного и иного характера, направленных на удовлетворение интересов общества, отдельных индивидов и создаваемых ими институтов» [12, с. 9]. Такой подход, естественно, предполагает, что гражданское общество имеет некую институциональную составляющую, представленную разнообразными элементами, – совокупность неправительственных институтов и самоорганизующихся посреднических групп [13, с. 10]. В некоторых случаях эта же система независимых от власти общественно-политических институтов может рассматриваться как само гражданское общество [4, с. 12]. Допускается существование и «механизма» гражданского общества, который может быть представлен самостоятельной, логически обособленной и самодостаточной структурой, представляемой как упорядоченная самоорганизующаяся система элементов и отношений... [12, с. 10].

Таким образом, гражданское общество, как юридический феномен, рассматривается как некая среда, которая в лучшем случае имеет социально-политическую целостность. Если вспомнить, что такой «среде» противопоставлено четко структурированное и организованное – «мускулистое» государство, становится понятна разница в восприятии этих явлений и их осознании. Уровень взаимодействия государства и такого гражданского общества сводится к взаимодействию между отдельно взятой общественной организацией и государством в целом. В связи с этим стоит ли удивляться, что логика самостоятельности такого гражданского общества определена тем, что «автономия гражданского общества от государства заключается в *предоставлении государством* норм, регулирующих *пределы активности* (*курсив автора статьи*) индивидов и их союзов» [13, с. 10]. Ну чем не вышеприведенная «простая» схема, где, видимо, могут ведь «пределы активности» довести до значения ноль?

В работах, посвященных рассмотрению категории «субъект права», допускается существование субъектов права, по степени глобализации приближающихся к гражданскому обществу. Так, продолжая еще советскую научную юридическую традицию [2; 14] рассмотрения народа(ов) в качестве источника суверенитета, современными российскими авторами [5; 6] «народы и нации» предлагается рассматривать как субъектов конституционно-правовых отношений. Справедливости ради следует отметить, что указанная точка зрения не была и не является общепринятой [7]. Отрицание у таких общностей свойств субъекта в основном сводится к констатации отсутствия формально-юридических свойств – персонификации, обособленности, институциональности и отсутствия волеобразующих систем таких общностей. С другой стороны, С. И. Архипов предлагает рассмотреть существование «метаяправовых субъектов». Разъясняя их природу, С. И. Архипов обращает внимание на ряд особенностей – представление народов в правовой сфере иными субъектами (государством, иными юридическими корпорациями, индивидами); такие общности по своей сути есть явления духовного порядка в контексте общности сознания, традиций, культуры и т.д.; они есть продукт правовой коммуникации; они выполняют системообразующую функцию в современных правовых системах; доктринально в них усматривают единственный источник власти, носитель суверенитета, а также главный источник права [1, с. 362-366].

Конечно, «гражданское общество» и «нации и народы» – хотя и связанные, но в целом разноразличные явления: появление гражданского общества является результатом сложного социально-политического процесса превращения народов в нации, частью которого является приобретение нациями свойств гражданского общества. Следует обратить внимание, что «нации и народы» в связи с их анализом как субъектов права имеют позитивистско-доктринальную поддержку в виде положений вводной части и ст. 3 Конституции РФ, говорящих о «народе» как «носителе», «источнике», осуществляющем свою власть непосредственно. В этом смысле «гражданское общество» не нашло такой поддержки. Однако наличие или отсутствие в правовой доктрине или сфере научного знания конкретной категории, конечно же, не означает отсутствие этого явления в социальной и правовой действительности.

На примере развития одной из фундаментальных конструкций субъектов права – юридического лица – легко показать, как не существовавшая в праве и правовом учении Древнего Рима правовая модель юридического

лица тем не менее была генерирована духом и принципами этой же системы права. Она стала реальной правовой материей в нужное время и в нужный момент. Разве не об этом процессе говорит С. И. Архипов, демонстрируя внутренние причины, побуждающие к развитию, в частности, конструкции юридического лица: «В ранних цивилизациях, когда от человека не требовалось постоянного участия в решении социальных (в том числе экономических, политических и иных) проблем, необходимости в создании обособленных от него правовых лиц, постоянно осуществляющих его социальные интересы, не существовало. В развитом же обществе такая институционализация правовой личности человека необходима, так как он уже не эпизодически участвует в принятии общих решений, а на постоянной основе: как член государственно-правовой корпорации, муниципальных объединений, коммерческих обществ, потребительских организаций и т.д.» [Там же, с. 334]? Следуя описанной тенденции, мы вполне обоснованно можем предположить, что вовлеченность индивидуума в принятие государственных решений может достигнуть такой частоты и такого уровня, когда потребуются создание (оформление) новых правовых лиц, объединяющих весь спектр социальных связей для взаимодействия с государством.

Объективная необходимость появления конструкции гражданского общества как самостоятельного субъекта правоотношения связана и с особенностями оценки государства как субъекта этих же отношений. Одним из потенциальных аргументов, противопоставляемых идее гражданского общества-субъекта, может явиться тезис, связанный с оценкой современного государства как государства-суверена, являющегося политической формой интеграции всего общества. Но может ли быть раскрыта характеристика целостности (конечно, не в физико-географическом смысле) современного рыночного государства как субъекта, с учетом его правовой (абстрактной) сущности, посредством категории «народ» – совокупность граждан, проживающих на какой-то конкретной территории? Ответ может быть и положительный, и отрицательный. В первом случае государство порождает внешние отношения, традиционно связываемые с понятиями «гражданство», «суверенитет». Это отношения, продолжающие атомизировать современный мир. Формально именно этому посвящены нормы статей 3, 4 Конституции РФ, фиксирующие конструкцию «источника власти». Но именно эта юридическая конструкция в духе Ж.-Ж. Руссо предоставляет возможности любому лицу, возглавившему такое государство, прикрывать иногда самое неприглядное высоким пафосом олицетворения.

В самой конструкции государства заложены объективные предпосылки его отторжения от его же граждан. Нельзя одновременно быть и равноправным контрагентом, и одновременно любящим, но строгим и справедливо наказывающим отцом. Это отторжение позволяет предположить возможность отрицательного ответа на поставленный вопрос. С другой стороны, такой ответ связан и с пониманием того, что государство как юридическая корпорация равных друг другу лиц – это мало достижимый идеал. Более реалистично представление о государстве как исключительно служебном аппарате, системе принятия решений. Именно с этих позиций становится естественным и понятным рассуждение о функциональной сущности современного государства, публичных интересах, его ограниченной служебной компетенции, необходимости контроля за ним и т.п. Если государство – это субъект, требующий контроля за ним, то такой контроль может быть только со стороны другого субъекта, и уже никак не некой «среды». Такому контролирующему субъекту требуется юридическая форма.

Если мы исходим из того, что все правовое – это результат конвенциональной модели взаимодействия людей, приводящей к появлению некоего абстрактного результата, то что препятствует решению поставленного вопроса в контексте логики развития современных отношений государство – гражданин – общество? Ответ – ничто, и уже тем более не уровень юридического знания. Но и в настоящее время существуют, в частности, попытки использования конструкции «субъект публичного права» для обоснования существования народов, наций, этнических групп в качестве субъектов конституционного и муниципального права [6]. В качестве особенностей их, как субъектов, отмечаются наличие ограниченной правоспособности и отсутствие признака организационной оформленности.

Что можно сказать об условиях зарождения потенциальных особенностей гражданского общества как субъекта права?

В отличие от ставшей абсолютно «естественной» конструкции юридического лица, зародившейся в сфере имущественных отношений и предназначенной для постоянного использования в указанной сфере, конструкция гражданского общества-субъекта зарождается в ситуации, когда ее основное предназначение – это контроль за государством. В первую очередь именно в связи с этой функцией, в том числе в рамках правового регулирования макроэкономики, мы и можем рассматривать гражданское общество как субъекта. Однако такая функция в отличие от постоянства социальных функций юридического лица востребована эпизодически. Несмотря на универсальные последствия применения такой функции – может касаться любых сфер и направлений, эта функция не связана непосредственно с необходимостью гарантии чьих-то имущественных интересов. В этом смысле она публичная, социально-политическая. Все это, конечно, не может не влиять на устоявшиеся формально-юридические представления о том, каким должен быть субъект права.

С формально-юридической точки зрения признаки персонифицированности и обособленности у гражданского общества как субъекта слабо прослеживаются, если пытаться найти их, следуя логике и традициям рассмотрения гражданского общества как юридического лица. Рассматривая государство с точки зрения персонифицированности в момент взаимодействия с ним, разве имеет для нас значение, что перед нами министр или рядовой работник какой-либо государственной инспекции? Обособленность государства, несмотря на существование разноразмерной и разветвленной системы органов, также нами не подвергается сомнению, хотя фактически объединяющим признаком становится наличие властной компетенции. Стоит напомнить, что

устоявшиеся конструкции субъектов права не идеальны и не универсальны – по крайней мере, и в отношении юридического лица, и в отношении государства осуществление таинства крещения маловероятно.

Целостность гражданского общества, конечно же, трудно представить, хотя бы исходя из демократической модели построения политической системы, основанной на принципе большинства. Однако нет ничего противоречащего ни сегодняшнему восприятию, ни устоявшейся правовой, в том числе научной, традиции, тому результату, когда принятие решения в корпорации осуществляется большинством голосов. Никого не смущает и принятие решения в условиях, когда кто-то не явился на заседание органа управления. Гражданское общество должно возникать всякий раз, когда требуется напомнить о том, что государство – это только служебный аппарат.

В то же время наличие признаков институционационности и наличие волеобразующих систем гражданского общества практически ни у кого не могут вызвать возражений. Однако с этих позиций оппонентам предоставляется возможность указать, что фактически когда речь идет о субъекте – гражданском обществе, то речь идет об отдельном институте гражданского общества. Действительно, институализация гражданского общества, неиерархичная, горизонтальная, саморегулирующаяся, реально существующая посредством конструкции – юридического лица, имеет место. С точки зрения автора статьи, такая постановка вопроса уместна, когда речь идет об институте гражданского общества, «надевающим маску» юридического лица для участия в непубличных отношениях. В частности, отношения между двумя институтами гражданского общества – это, конечно же, не внутрикорпоративные отношения гражданского общества. Точно так же и отношения, связанные с контролем за соблюдением налогового законодательства отдельным институтом гражданского общества, осуществляемые фискальным органом, не являются сферой интересов гражданского общества в целом. Однако общественная организация, отстаивающая права своих членов, публичные интересы во взаимоотношениях с государством – это уже проявление гражданского общества как субъекта публичных отношений.

Таким образом, правовой задачей является создание не искусственной конструкции гражданского общества как субъекта, а создание такой модели взаимоотношений гражданского общества и государства, в которой за счет новой конструкции произойдет «уравновешивание» участия государства участием в этих же отношениях гражданского общества.

С точки зрения автора статьи, в качестве примера потенциально перспективного механизма такого «уравновешивания» можно привести институт суда присяжных. Не имеет значения тот позитивистский факт, что в настоящее время в России пока утвердилось в качестве реально существующего участия присяжных участие только в уголовном судопроизводстве. Точно так же не имеет значения и то, каким образом государство оценивает эффективность этого суда, сокращая в настоящее время его юрисдикцию. Потенциал этого института как способа волеизъявления гражданского общества позволяет распространить сферу деятельности суда присяжных путем устранения всяких ограничений, в том числе и путем применения его в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства [9].

От чьего имени выносится вердикт суда присяжных? В развитие пункта 5 ст. 32 Конституции РФ, устанавливающего право граждан РФ участвовать в отправлении правосудия, можно указать, что вынесение вердикта в порядке реализации права на участие в осуществлении правосудия осуществляется от имени граждан. И однозначно – не государства! В рассматриваемом случае никто не может сказать, что двенадцатью присяжными представлены не все граждане, не все гражданское общество. В данной форме деятельности гражданского общества можно обнаружить все формально-юридические признаки, в том числе и волевой компонент.

Список литературы

1. **Архипов С. И.** Субъект права: дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 522 с.
2. **Бойцов В. Я.** Система субъектов советского государственного права. Уфа, 1972. 160 с.
3. **Гаврилов А. В.** Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. 26 с.
4. **Грудцына Л. Ю.** Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 55 с.
5. **Кокотов А. Н.** Русская нация и российская государственность: конституционно-правовой аспект взаимоотношений: дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995. 342 с.
6. **Лавренюк А. В.** Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 22 с.
7. **Мицкевич А. В.** Субъекты советского права. М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1962. 212 с.
8. **Орлова О. В.** Право и самореализация личности в гражданском обществе: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 67 с.
9. **Пашков А. В.** К вопросу о развитии гражданского процесса // ЭЖ-Юрист. 2009. № 45 (600). С. 6-7.
10. **Пашков А. В.** Правовые аспекты макроэкономики // Экономика. Управление. Право. 2011. № 9 (21). Ч. 1. С. 23-28.
11. **Проблемы макроэкономического регулирования** / А. И. Лученок, О. Л. Шулейко, О. И. Румянцева, М. В. Маркусенко и др. Минск: Право и экономика, 2005. 178 с.
12. **Струсь К. А.** Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 217 с.
13. **Федоренко Д. В.** Политико-правовые механизмы взаимодействия институтов гражданского общества и государства в современной России: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 27 с.
14. **Щетинин Б. В.** Проблемы теории советского государственного права. М.: Юрид. лит-ра, 1969. 199 с.

SUBJECTS OF LEGAL MACROECONOMIC MODELLING

Andrei Viktorovich Pashkov, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Civil Procedural and Entrepreneurial Law
Samara State University
attorney83@ya.ru

The author presents the analysis of macroeconomics as a legal phenomenon, considers it as a legal doctrine element (some macroeconomic indicators formalization), on the one hand, and as a part of legal culture on the other hand, shows that the purpose of legal modeling in macroeconomics is in the provision of market social relations reproduction conditions, including the implementation of the theory of human rights and freedoms and legal state, and discusses civil society as the subject of law, balancing a state in its influence on economy by establishing the limits of such interventions.

Key words and phrases: macroeconomics; market; economic rights; theory of human rights and freedoms; state intervention in economy; limits of state intervention in economy; civil society as subject of law.

УДК 167.12

Статья посвящена исследованию проблемы творческого открытия в науке и исключительно важной роли метода аналогии в процессе интуитивного озарения. Основная цель, которую ставит перед собой автор, заключается в анализе сути социобиологического подхода к вскрытию механизма интуиции, основанного на эволюционно-биологической и генетической интерпретации функциональной работы разума. Особо обращается внимание на позицию Э. О. Уилсона, согласно которой аналогия предстаёт как метформула научной эвристики.

Ключевые слова и фразы: познание; социобиология; научное открытие; истинность; простота; изящество; аналогия; метформула.

Сергей Григорьевич Пилецкий, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
SergeyPiletsky@yandex.ru

Э. О. УИЛСОН О РОЛИ АНАЛОГИИ В ПОЗНАНИИ[©]

Гносеология – это не просто одна из традиционных философских дисциплин и не только одно из структурных подразделений многоуровневого философского массива. Проблематика теории познания, без преувеличения, является сердцевинной сугубо человеческого отношения к окружающему миру, затрагивает самые глубинные аспекты нашего экзистенциального бытия и фокусирует своё основное внимание на предмете и задачах, имеющих первостепенное значение для человеческого выживания. Как бы не относиться к достижениям и издержкам научно-технического прогресса, как бы не относиться даже к самому специфически сциентистскому способу освоения объективной действительности, следует признать, что именно наука и её производные в последние два столетия стали «локомотивом» человеческой истории и всё в большей и большей степени определяют векторы и формы развития человечества. В составе же современной науки и современного естествознания всё большее значение приобретают дисциплины, комплексно изучающие человека. А уже, в свою очередь, среди них в последние десятилетия на первые рубежи выходит социобиология, представляющая собой синтез эволюционной биологии, популяционной генетики и экологии.

В нашей отечественной философской литературе появление социобиологии и её претензия на лидерство в сфере эволюционной антропологии были восприняты, мягко говоря, весьма настороженно. Основное острие критики было адресовано в сторону наиболее спорных её положений: преимущественному вниманию и акцентированию на биолого-генетической компоненте человеческого существования и необходимости наделяния безусловно большими, чем прежде, полномочиями естествознания в деле изучения социальных аспектов жизнедеятельности человека. Но данный критицизм, надо отметить, не простирался настолько, чтобы не замечать бесспорных заслуг и актуальности поставленных социобиологами задач, и, в первую очередь, её основоположником – выдающимся учёным Эдвардом Осборном Уилсоном.

Среди отечественных философских трудов, посвящённых исследованию и аналитическому разбору социобиологии, безусловный приоритет стоит отдать двум монографиям: С. А. Пастушный, Д. А. Алтышбаева «Социобиология: мифы и реальность» (1985) и Р. С. Карпинская, С. А. Никольский «Социобиология: критический анализ» (1988). С одной стороны, в книге С. А. Пастушного и Д. А. Алтышбаевой можно найти такие слова: «Как бы то ни было, но факт остаётся фактом – энтомологом Э. Уилсоном была высказана идея об

[©] Пилецкий С. Г., 2012